

Вопреки ожиданиям Юань Чжэнмина, эти двое не только не встретились на середине, а напротив, полностью разошлись в своей игре – у каждого были свои собственные соображения по поводу роли, которые и привели их к созданию собственного уникального стиля. Даже если взглянуть на реплики к первой сцене – оба использовали совершенно разные подходы к тому, как их произносить.

Первая сцена относилась к тому времени, когда [Фан Ишэн] все еще оставался членом подпольной организации, и представляла собой диалог между ним и главным злодеем – верховным министром [Янь Булю]. В пятой части «Приказа покончить с небесами» [Янь Булю] обладал властью как при дворе, так и за его пределами. Его дочь была возлюбленной наложницей [Императора Чана], получила титул Благородной Супруги Шу, и поэтому [Янь Булю] считал себя императорским тестем. Повсюду при дворе было не счесть его последователей – можно сказать, что его почитали и боялись многие, он был могущественной фигурой, которую никто не смел оскорбить. Но в то же самое время у [Янь Булю] была и другая ипостась – знаменитый на весь Цзянху «Адский Крюк», имя которого вселяло страх в сердце каждого, кто его слышал.

Он прикладывал все возможные усилия для того, чтобы скрыть свою вторую личность, и вмешивался в политику как верховный министр. С одной стороны, он избавлялся от своих старых врагов из Цзянху, будто бы от имени своего зятя подавляя мятежников. Так он проложил себе путь к тому, чтобы стать лидером сообщества знатоков воинских искусств. С другой стороны, он использовал свои связи в Цзянху, чтобы собирать информацию и умирять мятежников, защищая таким образом власть своего зятя над страной, ну и заодно – защищая славу и богатство семьи Янь.

Но существование [Фан Ишэна] порождало для его плана небольшое препятствие – так как [Янь Булю] подозревал, что тот был членом Цзянху. Более того, [Янь Булю] подозревал, что [Фан Ишэн] был одним из тех, кто замыслил восстание. Именно поэтому [Янь Булю] нанес ему визит, заранее собрав о нем всю необходимую информацию и скрыв свои намерения. [Фан Ишэн] спокойно его принял.

Как только Ци Цзин заговорил, из его голоса тут же испарилась аристократическая манера: можно было услышать, что этот человек обладал обширным практическим опытом, совершенно отличался от обычных людей и привык иметь дело с высокопоставленными чиновниками и людьми, облеченными властью.

– Этот ничтожный чиновник слышал, что в последнее время главного министра беспокоят болезни. С приходом суровой зимы и наступлением холодной погоды главе двора и верховному министру лучше не пренебрегать мерами предосторожности и заранее позаботиться о том, чтобы его здоровье не ухудшилось, так что прошу вас, входите и поговорим внутри.

Незванный гость приносит несчастье.

Ци Цзин использовал почтительный тон, он демонстрировал уважение чиновника низкого уровня, такого как [Фан Ишэн], перед лицом могущественного министра и, соблюдая этикет, ставил себя ниже, но все же полностью не подчинялся. Слова, которые он произносил, на

первый взгляд тоже были весьма вежливы и даже льстивы, но в голосе льстивый тон не звучал, – так что реплика, напротив, походила на своего рода насмешку. Для опытного придворного было очень характерно вкладывать в каждое слово еще один смысл, и Ци Цзин сосредоточился именно на этом моменте.

– Цзянху? Как говорится в пословице, «Двор высоко, Цзянху далеко». Это две совершенно разные вещи, так почему сегодня верховный министр вдруг заинтересовался тем, чтобы обсудить дела Цзянху с этим ничтожным чиновником? – во второй реплике Ци Цзин вначале повысил голос, чтобы казаться искренне удивленным, но на самом деле герой очень хорошо знал причину такого интереса. Еще он намеренно подчеркнул «две совершенно разные вещи», давая понять, что в это время [Фан Ишэн] уже знал о второй ипостаси [Янь Булю] и лишь с сарказмом тут и там проверял возможные пределы, просто подыгрывая другому герою, – прием, который подчеркивал и усиливал коварную сторону характера персонажа.

– Тунчжоу, хех... – когда тема разговора подобралась к самому большому местному слону в этой посудной лавке, с губ Ци Цзина сорвался короткий смешок, и было трудно сказать, сделал ли он это нарочно или непреднамеренно. Смех не упоминался в подсказках к репликам, этот смешок стал его собственным, личным дополнением, – немного мрачным и суровым вариантом.

– Цзянху простирается вдаль и вширь, так зачем упоминать такое ничтожное место, как Тунчжоу? – в следующей реплике эта манера стала еще более очевидна, словно обнаженное лезвие меча, уже заметное невооруженным глазом.

– Однако, если об этом поразмыслить, – поистине удивительно, как так получилось, что незадолго до того, как новости о восстании в Тунчжоу достигли столицы, верховный министр невероятно тяжело заболел, а когда [Хоу Шуньян] вернулся в столицу с победой, усмирив мятежников, верховный министр сразу же пошел на поправку. Такое загадочное совпадение – неужели болезнь главного министра тоже носит название «Цзянху»? – его речь лилась плавно и естественно, но каждое из слов напоминало нож, и этого было достаточно, чтобы ошеломить человека, стоявшего перед ним.

Даже улыбающийся [Фан Ишэн] в исполнении Ци Цзина заставлял людей чувствовать, как холод пробирает их до костей. А еще он был резок и считал ниже своего достоинства лукаво льстить и заискивать перед чиновниками при дворе. Именно так Ци Цзин понимал выражение «надменный и отчужденный» – герой вовсе не был упрямым отшельником, который прятался в глуши и отказывался познавать мир, – он позволял другим почувствовать вкус своих отточенных навыков.

В то же время, выступление Рисовой Лапши, перенесенной через мост оказалось совершенно иного рода.

– Этот ничтожный чиновник слышал, что в последнее время главного министра беспокоят болезни? – в отличие от Ци Цзина, который констатировал факт, Лапша повысил голос во второй части предложения, превратив его в вопрос. Ну и конечно же, это был вопрос, на который тот уже знал вполне точный ответ.

- С приходом суровой зимы и наступлением холодной погоды главе двора и верховному министру лучше не пренебрегать мерами предосторожности и заранее позаботиться о том, чтобы его здоровье не ухудшилось, так что прошу вас, входите и поговорим внутри, - тембр его голоса звучал холодней, чем у Ци Цзина, поэтому он и воспользовался этим свойством, чтобы подчеркнуть бесстрашие героя перед лицом влиятельного придворного.

Манера речи Ци Цзина походила на иглу, скрытую в мотке шелка.

А манера Лапши в той же сцене - на бушующее подводное течение.

- Цзянху? - Рисовая Лапша, перенесенная через мост повторил это слово равнодушным тоном, насмеяться не стал, а спокойно и сдержанно дал четко прозвучавший ответ, так отвечая вопросом на вопрос. - Как говорится в пословице, «Двор высоко, Цзянху далеко» - это две совершенно разные вещи, так почему сегодня... Верховный министр вдруг заинтересовался тем, чтобы обсудить дела Цзянху с этим ничтожным чиновником? - он постепенно замедлил темп речи, придав словам многозначительную интонацию. Несмотря на то, что его метод отличался от того, что делал Ци Цзин, конечный результат оказался очень похожим - он скомпенсировал недостаток, заключающийся в ощущении неопытности, звучавшей в голосе.

- Тунчжоу... Цзянху простирается вдаль и вширь, так зачем упоминать такое ничтожное место, как Тунчжоу? - даже когда разговор подошел к главному пункту, он не выказал ни капли волнения, как будто уже давно знал причину, - и говорил с пренебрежением. - Однако, если об этом поразмыслить, - поистине удивительно, как так получилось, что незадолго до того, как новости о восстании в Тунчжоу достигли столицы, верховный министр невероятно тяжело заболел, а, когда [Хоу Шуньян] вернулся в столицу с победой, усмирив мятежников, верховный министр сразу же пошел на поправку.

В этот момент его голос вдруг зазвучал внушительно, словно вторгаясь в тайны собеседника:

- Такое загадочное совпадение - неужели болезнь главного министра... Тоже носит название «Цзянху»?

Несмотря на то, что выступления этих двоих разошлись по разным полюсам, в каждом была своя логика и своя изюминка - так что было неважно, кто оказался прав, а кто ошибался.

Без установленных правил, касавшихся исполнения реплик, работал любой из возможных стилей, который более или менее соответствовал характеру персонажа, и в то же время оставалось очень много возможностей для того, чтобы разнообразить игру.

Возможно, Юань Чжэнмин впервые столкнулся с такой ситуацией, когда он не мог крикнуть «Стоп!» ни одному из участников, потому что у него все внутри зудело от любопытства - как же эти двое справятся с оставшейся частью. Зрелищность - тоже одна из отличительных сторон конкурсов, так что и как судья, и как страстный любитель озвучки, Юань Чжэнмин, конечно же, получал от этого удовольствие.

Но публика, слушавшая эти два выступления, пребывала в замешательстве.

Слушатель 1: (:з<) Тут... Тут действительно тяжело выбирать! Я только что отдала свой голос Не спрашивай о дне возвращения, но теперь думаю, что Рисовая Лапша, перенесенная через мост тоже невероятный, что же делать?!

Слушатель 2: (:з<) Каждому свое, я уже решила проголосовать за обоих □Моя любовь универсальна, я могу просто подпирать стены□

Слушатель 3: (:з<) Уже решила проголосовать за обоих +1□Тихо присоединяется к компашке у стен□

Слушатель 4: (:з<) Уже решила проголосовать за обоих +2□Тоже тихо присоединяется к компашке у стен□

Слушатель 5: □□ *рыдает* Во время полуфинала это не так важно, но в финале можно выбрать только одного... Я не могу отказаться ни от одного из них, я действительно не могу~

Слушатель 6: □□ Жму руку комментатору выше! Мы еще посмотрим, как оно пойдет во время финалов, - чемпион определяется на основании общих результатов соревнования, верно?

.....

Но самым удивительным оказалось то, что хотя у каждого из них была уникальная манера игры и оригинальные интонации, ближе к концу выступления они начали сходиться в одном направлении, и это совершенно не казалось неуместным.

Последняя сцена разворачивалась во время внезапной вспышки болезни у тяжело отравленного [Фан Ишэна]. В этот момент он разговаривал, лежа на кровати, со своим молодым служкой, [Люй Вэем]. Тогда персонаж уже потерял все свои боевые способности и был вынужден оставить постоянный двор «Слушай ветер», чтобы избежать преследования [Янь Булю] и спрятаться в секретной резиденции. Но, к сожалению, он все равно неизбежно слабел с каждым днем.

Чем благородней был его характер, чем сильней и самостоятельней он был раньше, тем более тяжелое падение он переживал в этот момент, и это заставляло каждого человека его жалеть.

- Кхе... - только после нескольких судорожных вдохов Ци Цзин слабо кашлянул - он сделал это потому, что хотел воплотить «непреклонную» сторону персонажа - хотя яд в его теле разгорался, а в легкие словно втыкались тысячи иголок, такой гордый человек как [Фан Ишэн] не мог позволить себе выглядеть слишком жалко. Более того, теперь о нем заботился чистый

по своей натуре [Люй Вэй], и перед этим ребенком он не мог предстать слишком страдающим, чтобы не причинить мальчику вреда.

Но иногда все идет совсем не так, как было задумано.

- Ум, - он внезапно застонал, как будто что-то задерживало часть его голоса, но выплюнуть это он не мог, и с трудом сглотнул. Для слушателей это прозвучало так, словно он захлебывался кровью, стоявшей в горле, - каждое слово формировалось натужно и через силу. - [Люй Вэй], ты... Подойди сюда.

Произнеся это, он снова начал быстро и тяжело дышать, и одного этого звука было достаточно, чтобы вырвать сердца у слушателей. Услышав, как хозяин зовет его, молодой слуга, сидевший поблизости, должен был броситься и с трудом подползти к другой стороне повозки, глядя на него с тоской. Встретившись с такой реакцией своего слуги, герой не мог ничего поделать, и только сказал:

- Который сейчас... час? Солнце еще не взошло?

Эта часть романа произвела на Ци Цзина глубокое впечатление.

[Фан Ишэн] очнулся от комы и спросил [Люй Вэй], который час, а тот расплакался. Причина слез заключалась в том, что сам заданный вопрос означал, что яд уже поглощал глаза [Фан Ишэна], постепенно лишая его зрения, так что даже при ярком дневном свете тот думал, что стояла глубокая ночь. И даже если бы [Люй Вэй] немедленно не сказал бы ему правду, он, с его-то проницательностью, вероятно, скоро бы сам об этом догадался. А когда [Люй Вэй] заплакал, [Фан Ишэн] точно сразу же все понял.

- Ха-ха... - в этот момент Ци Цзин вдруг коротко рассмеялся, без отчаяния принимая свою судьбу. Он даже утешил мальчика хриплым голосом. - [Люй Вэй], не плачь. Я, [Фан Ишэн]... Я провел всю свою жизнь, мошенничая и обманывая, и мои глаза видели всевозможные кровавые боины, которым не было конца. От того, что сейчас я не могу видеть, я, наоборот, чувствую себя лучше.

В этот момент он ненадолго остановился, словно о ком-то вспомнив.

[Янь Булю] не оставлял выхода своим использованным пешкам, и [Бай Ке], которого тот подкупил, уже полгода как пропал без вести. Его исчезновение предвещало дурное - он, по всей видимости, не выжил. Неважно, было ли это кармическим возмездием или злом, которое тот навлек сам на себя, - [Бай Ке] не сможет ни остаться в живых, ни вернуться.

При мысли об этом голос Ци Цзина замер, словно кучка тлеющих углей, догоревших дотла, уже не способных вспыхнуть пламенем и дюйм за дюймом превращающихся в белесый пепел.

- Человек, который отравил меня, как бы то ни было... Я больше его не увижу, - природу эмоций в его голосе уловить было невозможно.

Но этот спокойный и легкий тон исчез: хотя первая и вторая фразы были связаны между собой, между выразившимися в них эмоциями пролегла четкая грань. Наконец он отрешенно и глухо рассмеялся:

- Ха...

Разве он не ненавидел - не ненавидел до глубины души? Или, возможно, он сам пребывал в растерянности от того, что чувствовал? Это могло оставить у любого человека неизгладимую запоздалую мысль...

Слушатель 1: [▽] Мой [Фан Ишэн], аааахххх [Сердечко верного-до-смерти-фаната хозяина постоянного двора Фана разбито]

Слушатель 2: [▽] Я эту часть помню, она такая страдательная, ааааа!

Слушатель 3: [▽] Я реально так ненавижу [Бай Ке]! Но [Фан Ишэн] - нет. Или, по крайней мере, я думаю, что это не так. От такого еще больней, дыа?! *всхлипывает*

Слушатель 4: [▽] Разница между этими двумя фразами звучала так сильно... Такой величественный человек, а в конце такой несчастный...

Слушатель 5: [▽] У меня сердце разрывается, эта боль невыносима!!! [Бай Ке], ты ублюдок! Ублюдок!]

Слушатель 6: [▽] Я влюбилась в №7! Я так влюбилась, что у меня все лицо от слёз мокрое [У меня бумажных платочков мало, хнык...]

.....

Фанаты [Фан Ишэна] из числа читателей оригинального романа получили от Ци Цзина критический удар, но, вслед за этим им пришлось вынести еще один - от Рисовой Лапши, перенесенной через мост. Как говорится, тут «все стеклянные сердца разбились вдребезги».

Основными характеристиками, которые выбрал для этого героя Рисовая Лапша, были холодность и безразличие. Ближе к последней сцене эти два свойства сделали встречу с ним еще более душераздирающей, каждый раз, когда герой кашлял, сердца слушателей были тронуты.

- Кхе... кхе-кхе-кхе...

Закончив кашлять, он слабо и безжизненно вздохнул. Образ, который создавался с помощью этого приема, представлял собой героя, в одиночестве лежащего на кровати. Это не звучало так, будто он все еще был живым человеком, изображало его безнадежное и бесстрастное состояние души.

Рисовая Лапша, перенесенная через мост слабо втянул воздух и позвал тихим голосом:

- [Люй Вэй]...

Его голос звучал так слабо, что его едва-едва можно было расслышать. Поэтому он снова окликнул, набравшись сил, чтобы повысить голос:

- [Люй Вэй], подойди сюда.

То, как он говорил, походило на трепещущее пламя. Но хотя каждый раз, когда он говорил, казалось, что это пламя вот-вот погаснет, оно все-таки продолжало гореть. Пламя может быть слабым, но в этот момент его языки все еще танцевали – возможно, у героя все еще оставалось желание, от которого он не мог отказаться.

- Который сейчас час? Солнце... еще не взошло?

Если сосчитать все дни, то прошло уже полгода, а казалось, что минул всего один день, – еще одно дурное предзнаменование.

Как для него, так и для [Бай Ке].

В тот момент, когда юный слуга, сдерживая слезы у постели, невольно дал ему понять, что он потерял зрение, [Фан Ишэн] сначала был потрясен, его дыхание сбилось, а потом медленно вернулось к прежнему спокойствию. Глядя в лицо приближающейся смерти, он, напротив, стал таким же бесстрашным.

- [Люй Вэй]... не плачь. Я, [Фан Ишэн], провел всю свою жизнь, мошенничая и обманывая, и мои глаза видели всевозможные кровавые бойни, которым не было конца.

Сказав это, он издал долгий тихий вздох, не в силах горе, которое изливалось вместе с его голосом:

- От того, что сейчас я не могу видеть, я, наоборот, чувствую себя лучше.

По крайней мере, теперь он был свободен от необходимости увидеть своими собственными глазами конец того человека – неважно, будет ли он жить или умрет – он не хотел видеть ничего.

– Человек, который меня отравил... – он произнес это, как будто пробормотав самому себе, словно желая вырезать эти слова в собственном сердце и очиститься от любых иных мыслей. – Я больше его не увижу. Как бы то ни было, я больше его не увижу.

Слушатель 1: ㄗㄗ ㄗㄗ

Слушатель 2: ㄗㄗ ㄗㄗ Сколько раз фанатам Фана разобьют сердце... *всхлипывает* У меня и так сердечко болит слишком сильно!!! ㄗрыдает, царапая землю ㄗ

Слушатель 3: ㄗㄗ ㄗㄗ Лапшичка настолько потрясающий... Я редко слышу, как он играет голосом молодого взрослого, но это просто с ума сойти!!! Оказывается, он может быть таким красивым, даже если не озвучивает слабого юношу.

Слушатель 4: ㄗㄗ ㄗㄗ Но слушать эти куски много раз опасно для вашего сердца! То, как №7 играет ангст, и то, как играет ангст №8, полностью не совпадает, но они оба настолько захватывающие! ㄗПоднимаю оба больших пальца, по пальцу на человека ㄗ

Слушатель 5: ㄗㄗ ㄗㄗ Я этого не вынесу, я снова буду плакать...

Слушатель 6: ㄗㄗ ㄗㄗ Горький смех Дня Возвращения и упадок духа Рисовой Лапши – они оба! Настолько! Точные! ㄗОни такие точные, что не могу сдержать слезы, стекающие по моему лицу ㄗ

.....

– Вы двое, вы же намеренно надо мной потешаетесь, – Юань Чжэнмин продолжал бормотать это до самого подсчета очков. Очарованный тем, как Ци Цзин и Рисовая Лапша, перенесенная через мост пошли совершенно разными путями в своей игре, он действительно сдерживал свою привередливость и придирчивость. Юань Чжэнмин был полностью поглощен тем, что выслушивал, чем же они отличаются, и поэтому только на момент окончания третьей сцены он наконец осознал, что уже было поздно кричать «Стоп!».

– Я был слишком беспечен... слишком беспечен, – но даже несмотря на его недовольные жалобы, сам факт того, что Юань Чжэнмин оказался настолько увлечен, довольно хорошо доказывал, что эти два участника и в самом деле обладали некоторым мастерством, так что останавливать никого из них было не нужно. Его постоянное бормотание осталось только при нем, оно было его личным непримиримым ворчанием, не более того.

Поскольку время ни одного из них не было сокращено, их места в конечном итоге должны были определить оценки Пу Юйчжи. Но и эти баллы заставили Юань Чжэнмина закричать:

- Да вы все надо мной насмехаетесь!

[№7 - Не спрашивай о дне возвращения]

[Прошедшее время]: 2:00

[Качество голоса]: 4,0

[Произношение]: 4,0

[Базовые актерские навыки]: 4,0

[Харизма]: 4,5

Оценка судейской коллегии: $2,0+4,0+4,0+4,0+4,5 = 18,50$ баллов

Дополнительное голосование аудитории: коэффициент голосования $78,9\% = 0,789$ балла

Общий счет: $18,50+0,789 = 19,289$ баллов.

[№8 - Рисовая Лапша, перенесенная через мост]

[Прошедшее время]: 2:00

[Качество голоса]: 4,0

[Произношение]: 4,0

[Базовые актерские навыки]: 4,0

[Харизма]: 4,5

Оценка судейской коллегии: $2,0+4,0+4,0+4,0+4,5 = 18,50$ баллов

Дополнительное голосование аудитории: коэффициент голосования $80,1\% = 0,801$ балла

Общий счет: $18,50+0,801 = 19,301$ баллов.

Что касалось количества присутствующих фанатов – тут Рисовая Лапша, перенесенная через мост по-прежнему имел преимущество, выйдя в лидеры с минимальным отрывом. Однако, если посмотреть на это с другой стороны, для Ци Цзина, у которого всегда была скромная фанбаза, получить почти такую же поддержку, как и у популярного АО вроде Рисовой Лапши, было уже очень высоким достижением. Если не считать очков зрительского голосования, их оценки были абсолютно одинаковыми, и тут о какой-либо разнице говорить не приходилось.

Фанаты тоже выражали радость по поводу такого результата.

Слушатель 1: ♪(*°▽°*)♪ Ваааа!!! Я так завелась! Теперь Лапшичка на первом месте!!!

Слушатель 2: ♪(*°▽°*)♪ Даже если очки Дня Возвращения чуть ниже, на самом деле они так близко!!! Если смотреть на оценки судей, то они практически одинаковые! Поздравляю, поздравляю! Вы оба великолепны!

Слушатель 3: Так можем же мы, шипперы «Лимита Времени», в конце концов вернуться к жизни, хах... Я так тронута, я сейчас заплачу. Даже оценки у них почти одинаковые и все такое, от этого у меня реально голова кружится... ☹*прикрывает лицо* Я знаю, что они оба в реале уже заняты, но ничего не могу поделать – шипперю «Лимит времени»☹

.....

Когда Ци Цзин увидел эти результаты, он все равно был очень счастлив, хоть и занял второе место. Честно говоря, их речь в начале прослушивания была гораздо важнее любого конкурсного рейтинга.

Он предположил, что, закончив прослушивание, Рисовая Лапша, перенесенная через мост захочет вернуться в свою комнату, чтобы позаботиться о «том парне», и поэтому не стал открывать голосовой чат, а напрямую набрал сообщение.

Вы пишете №8 - Рисовая Лапша, перенесенная через мост: ^_^ Поздравляю.

№8 - Рисовая Лапша, перенесенная через мост пишет Вам: И я тебя. Но этот общий счет включал фактор фанатского голосования, так что ты легко мог получить гораздо более высокие баллы.

Вы пишете №8 - Рисовая Лапша, перенесенная через мост: Ха-ха, ты действительно подумал, что для меня это важно?

№8 - Рисовая Лапша, перенесенная через мост пишет Вам: (улыбочка)

Вы пишете №8 - Рисовая Лапша, перенесенная через мост: завтра на форуме наверняка состоится грандиозная драма, так что хорошенько отдохни перед этим. Лучше иди отдыхать после раздела обратной связи.

№8 - Рисовая Лапша, перенесенная через мост пишет Вам: Я пойду сейчас. Я могу послушать запись судейских отзывов и завтра, иначе тот парень поднимет шум. Спокойной ночи, День Возвращения.

Ци Цзин был ошеломлен, но потом тоже ответил «Спокойной ночи», глядя как аккаунт Рисовой Лапши, перенесенной через мост исчезает из списка участников канала.

...Спокойной ночи. Ци Цзин вдруг вспомнил как Шень Янь говорил эти слова ему на ухо каждую ночь перед сном, наполняя сердце теплом до краев. Он даже позавидовал Рисовой Лапше - по крайней мере, рядом с тем был его человек, и ему не нужно было ждать его до следующего дня.

Ци Цзин не снял наушники и слушал выступления других участников, но, несмотря ни на что, не мог в них вникнуть. Это происходило не из-за того, что выступления были слишком незапоминающимися или атмосфера скучной, просто его сердце находилось в другом месте. Поэтому он тяжело вздохнул и ушел с канала, собираясь сделать то же самое, что и Рисовая Лапша, перенесенная через мост, - найти время и послушать судейские отзывы на следующий день.

- Забудь... Просто ложись спать.

Он просидел в кабинете еще добрых пару минут, затем встал, быстро привел себя в порядок перед сном, вернулся в спальню и, выключив свет, лег в постель.

Раньше ляжешь - раньше встанешь, и так, может быть, время пройдет быстрее. Это был очень ненаучный способ мышления, и Ци Цзин подобным образом развлекал и обманывал сам себя,

однако в его желании уснуть не было никакой фальши.

За эти несколько месяцев качество сна у Ци Цзина только-только медленно вернулось к норме, но все равно спал он очень чутко и самостоятельно засыпал с трудом.

- Умм... - в кромешной тьме комнаты он вяло перекатился с боку на бок, не зная, сколько прошло времени. Он лишь знал, что его сознание по-прежнему блуждало в тумане, но все еще не растворилось во сне. Было слишком тихо, и из-за этого даже его собственное дыхание могло заставить рассеянное сознание собраться снова, и это вечное туда-сюда становилось невыносимым.

Ци Цзин тихонько потерся щекой о подушку Шень Яня, и только потом медленно начал засыпать.

Когда он позже об этом подумал, то решил, что и впрямь в это время заснул - его не разбудило ни звяканье ключей, ни звук шагов, ни шорох складываемой одежды.

Его разбудил нежный поцелуй, коснувшийся лба, а еще - тихий оклик:

- Ци Цзин.

Примечание автора.

Прослушивания на роль [Фан Ишэна] писались так, чтобы контрастировать друг с другом, но на самом деле прослушивание Ци Цзина шло первым, а Лапши - вторым. Я написала это так, чтобы увеличить впечатление от сравнения, и надеюсь, что читатели не запутаются. Я впадаю в такую депрессию, когда пишу эту пьесу в пьесе, это действительно так... _(:3[∠) ([Бай Ке] - слишком большая сволочь.)

И самое-самое последнее: если честно, когда я писала последние несколько абзацев... Мне прямо захотелось закрыть руками лицо и завизжать, как идиотка, кхем.

Добро пожаловать домой, Папа Котика! >/////<

<http://bllate.org/book/13906/1225646>